

(Продолжение. Начало в №1, 2006 г.)

Лапаева М.Г., Лапаев С.П.
Оренбургский государственный университет

РЕФОРМЫ В РОССИИ: XX ВЕК

В статье проводится анализ экономических реформ в России, вклада российских ученых-экономистов в их научное обоснование. Параллельно проводится сравнение с современными реформами в экономике России.

Тоталитаризм не может отказаться от насилия, отказавшись от насилия тоталитаризм гибнет. Вечное, непрекращающееся, прямое и замаскированное, сверхнасилие есть основа тоталитаризма.

В. Гроссман

При решении дела насилием победа всегда остается не за лучшими людьми, а за более эгоистичными, хитрыми, бессовестными и жестокими.

Л. Толстой

В 30-е годы общественная и экономическая жизнь в стране проходила под знаменем воплощения модели Маркса и Энгельса: **ассоциации свободных производителей и непосредственно общественного производства**. Но так как эти модели не давали конкретных указаний по вопросам хозяйственного устройства, то большевики пошли «своим путем» и выпестовали **экономический механизм, действие которого основывалось на внеэкономическом принуждении**: на насилии, принудительном ограничении рабочей силы, на диктатуре чиновничьего аппарата и всеобщем контроле партии и государства за деятельностью всех участников хозяйственного процесса.

Уже тогда был заведен «порядок» взаимоотношения теории и практики: **сначала принимался пакет партийно-государственных решений по хозяйственным вопросам, и только после этого им давалось научное обоснование**. Видимо, этим и объясняется наукообразность политэкономии социализма. Первые шаги на пути строительства административно-командной системы были следующие: отказ от многообразия форм собственности и хозяйствования, подстегивание индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, усиление степени директивности в планировании и централизма в управлении. Второй особенностью «перестройки» 1929-1932 гг. была лживость лозунгов, под которыми она проходила. Административно-командная система ковалась под вывесками демократизации управления, использования экономических методов, хозрасчета и т.д. Внеэкономические меры в аграрной сфере были еще более жесткими, чем в промыш-

ленности. Колхозы и совхозы были лишены всякой хозяйственной самостоятельности.

В механизм управления сельским хозяйством были вложены элементы феодального крепостного права (закрепление крестьян за хозяйствами путем лишения паспортов, применение методов отработочной ренты, т.е. барщины, дарового принудительного труда), а также карательные меры в соответствии с уголовным правом (репрессии за невыполнение планов хлебосдачи, невыработку минимума труда, «вредительство и хищение» (так квалифицировался сбор голодными детьми колосков, оставшихся в поле после уборки)).

Главные сущностные черты командно-административной системы состояли в следующем:

– **в идеологизации экономической политики** и хозяйственного управления, ориентация не на экономический эффект, а на соответствие политическим установкам; вследствие этого полное подчинение органов хозяйственного управления указаниям партийных документов, перекрытие доступа к правдивой информации, отказ от научных методов организации и управления;

– **в господстве централизованного планирования** производства и перераспределения ресурсов, породившего «плановый фетишизм»;

– **в пренебрежении стоимостными инструментами**, в результате чего национальная валюта была доведена до простой счетной единицы, отказе от цены как средства регулирования экономики и превращении ее в предмет манипуляции под фальшивой вывеской «политика цен»;

– **в всеохватывающем** (идеологическом, отраслевом, ведомственном, техническом, научном и пр.) монополизме;

– в зарегулированности и уравнительности в оплате труда и потребления трудящихся вместе с разветвленной и изоцированной системой привилегий для номенклатуры.

А что же делала экономическая наука?

Уничтожением или высылкой за границу лучших российских экономистов власть расчистила поле для «новых теоретиков». Видный российский экономист Н.П. Федоренко пишет, что «безусловным лидером этих «теоретиков», конечно, следует признать К.В. Островитянова, первым в России в 1928 г. выпустившего в свет учебник с названием «Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства». (1). К.В. Островитянов так писал об экономических законах: «Мы всю нашу экономическую политику строим на учете объективных возможностей, на основе глубокого знания экономических закономерностей. Но мы не подчиняем нашу волю этим закономерностям, а господствуем над ними...» (2). Новые теоретики договорились до того, что при социализме экономические законы могли существовать, но не действовать. Это абсурдное положение и стало на многие годы главной особенностью псевдонауки, носившей название «политэкономии социализма».

«Вершиной» творческих достижений теоретиков командно-административной системы стал подготовленный по инициативе Сталина и под руководством К.В. Островитянова учебник политэкономии, изданный в 1954 г. Среди теоретиков командно-административной системы выделялись А.И. Румянцев, Я.А. Кронрод, Н.А. Цаголов и др. Марксистско-ленинская политэкономия стала одной из главных частей научного социализма, переименованного Н.С. Хрущевым в 1961 г. в «научный коммунизм».

После октябрьского переворота переход от капитализма осуществлялся на основе четырех догматов научного социализма: ликвидации частной собственности, примата развития экономического базиса, отношения к остальному миру по принципу «мы-они», фетишизации марксизма-ленинизма.

Индустриализация, начатая с 30-х годов, понималась как приоритетное развитие промышленности (прежде всего оборонной) за счет всех остальных сфер экономики. Такая парадигма имела политическую подоплеку: идея выживания режима большевиков в условиях буржуазного окружения и не заглухнувшая мечта о мировой революции, трансформировавшиеся впоследствии в концепцию ракетно-ядерного

паритета, которая стала причиной уродливых перекосов в воспроизводственной структуре России, диспропорций между материальным производством и сферой услуг, между потреблением и накоплением, между двумя подразделениями общественного производства и т.д.

По расчетам Н.П. Федоренко, в начале 30-х годов доля фонда накопления в национальном доходе достигла почти 45%, что может быть характерно только для военного времени. В «нормальной» экономике эта доля не превышает 10%, в царской России она колебалась в пределах 8-9%. Разумные экономисты и тогда высказывали мысль, что рост фонда накопления сам по себе не вызывает научно-технического прогресса, а превышение нормы накопления приведет к относительному и абсолютному обнищанию трудящихся, подорвет воспроизводство рабочей силы. Их прогнозы сбылись полностью. Логический венец проводимой политики - получение Россией униженной помощи западных стран в размере 20 млрд. долл. на ликвидацию нашего оружия массового уничтожения.

Возникает вопрос: если механизм командно-административной системы был так плох, то чем же объяснить успехи СССР в годы первых пятилеток? Сегодня, когда раскрыты секреты путаной и лживой сталинской статистики, ответ заключается в следующем: во-первых, ни один из пред- и послевоенных пятилетних планов на самом деле не был выполнен; во-вторых, реально достигнутый материальный прогресс в экономике абсолютно несоизмерим с колоссальными затратами на нее (имеются в виду не только материальные и финансовые затраты, но и утрата миллионов человеческих жизней, и утрата оставшимися в живых их демократических, гуманистических и коммунистических иллюзий). Ведь и сегодня, как сказал поэт:

Без отчетливых ран и контузий
Ныне всюду страдают без меры
Инвалиды высоких иллюзий,
Погорельцы надежды и веры.

В роли действительного двигателя материального прогресса в России в довоенные годы выступило единственное качество командно-административной системы, которое можно рассматривать как положительное (с большими натяжками) – ее исключительная **мобилизационная способность**, помноженная на трудовой

энтузиазм русского народа. Это же спасло нас и в годы Второй мировой войны.

Механизм командно-административной системы отличался целостностью, логическим единством своих элементов, он был запрограммирован на сопротивление новациям, он был создан для войны.

В послевоенные годы попытки реформирования командно-административной системы заключались в следующем: в 1947 г. была осуществлена денежная реформа (ревальвация рубля), а в 1953 г. проведены мероприятия по реорганизации сельского хозяйства. В 1957 г. начались реформы Н.С. Хрущева, который перестроил управление промышленностью по территориальному принципу, создав совнархозы и распустив министерства, ввел двухзвенную систему подчинения предприятий. Эти реформы показали преимущества территориального управления, но в целом они не улучшили технико-экономических показателей народного хозяйства страны. Совнархозы были слишком мелкими хозяйственными единицами. Не было необходимости ликвидации министерств. Их можно было сохранить и ориентировать на контроль за научно-техническим прогрессом в отрасли. Реформы Хрущева были слишком радикальными, и их минусы нейтрализовали и даже превосходили плюсы. Поэтому в рамках следующей попытки реформирования советской экономики - реформы Н.А. Косыгина 1965 г. – совнархозы упразднили, а министерства восстановили. Суть реформы Косыгина, которую связывают с именем харьковского профессора Е.Г. Либермана, состояла в повышении заинтересованности предприятий в их экономическом развитии, резком сокращении плановых показателей для предприятий, оценкой деятельности предприятия по такому показателю, как прибыль, и т.д. Итоги восьмой пятилетки показали благоприятное воздействие этих реформ на экономику. Но реформы не были доведены до конца в основном из-за мягкого противодействия Брежнева, который видел в Косыгине претендента на политическое лидерство. Руководство реформами было передано в руки их противника зампреда Госплана СССР А.В. Бачурина. Под флагом защиты основ социализма от якобы разномастных «антисоветских содержантов мировой буржуазии», т.е. «товарников», «рыночников», «оптималщиков», реформы были прекращены. Напугала советских руководителей и «пражская весна» 1968 г., когда А. Дубчек и О. Шик попытались совме-

стить, т.е. провести одновременно, экономические и политические реформы. Реформа 1965 г. потерпела крах, так как она не затронула основ, подрыв которых был **неприемлем политически**. Таким образом, страна была обречена катиться к краю экономической пропасти.

Нельзя сказать, что тогда власти не догадывались о грозящей катастрофе. Ученые-экономисты их неоднократно предупреждали об этом. В то время в стране параллельно существовали две экономические науки, которые с известной долей условности можно было назвать политэкономией и конкретной экономикой. Реалистически мыслящие экономисты настойчиво предлагали провести совершенствование системы управления экономикой, ценообразования, планирования, использования товарно-денежных отношений и др. Лидером в этой области выступал Центральный экономико-математический институт АН СССР, который разработал новую теорию, получившую название «система оптимального функционирования экономики». Институт подвергся идеологическому разгрому. В результате экономическая мысль была отброшена назад на несколько десятилетий, а развитие экономики было лишено плодотворной теоретической базы накануне горбачевской перестройки.

В конце 60-х годов советская экономика на первый взгляд казалась процветающей. Темпы экономического роста были выше, чем в капиталистических странах, успехи СССР в космосе и оборонной промышленности были бесспорны, изменялась ситуация в жилищном строительстве, осваивались месторождения нефти и газа и т.д.

Однако расчеты экономистов показывали, что рост только за счет экстенсивных факторов уже тогда стал приближаться к своему пределу. Стала сокращаться возможность увеличения численности занятых в народном хозяйстве, увеличение капвложений в производство из-за большого объема «незавершенки» перестало обеспечивать его эффективность, стали явно ощущаться природно-ресурсные ограничения.

Источником, способным возместить потери экстенсивных факторов – труда, капитала и природных ресурсов, был научно-технический прогресс. Идея интенсификации народного хозяйства как метода реформирования советской хозяйственной системы без затрагивания системы политической стала популярной. Но зародилась она не в партийно-правительственных кругах, а в среде экономистов из ЦЭМИ АН СССР.

Было намечено произвести существенные изменения в четырех направлениях: научно-техническая политика, структурная политика, финансовая политика и управленческая политика. Развернулась гигантская работа по созданию «Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий», рассчитанной на 1976-1990 гг. В ее создании приняло участие около 270 ведущих специалистов, представлявших более 90 научных и проектных институтов. Обоснования и расчеты были сведены в 17 проблемных томов и один сводный.

Для организации научного руководства и координации всей работы над программой при Президиуме АН СССР и ГК СССР по науке и технике в 1972 г. был создан научный совет, состоявший из более чем 100 специалистов и объединивший в своем составе крупнейших ученых. Членами совета были почти все вице-президенты Академии наук, руководители территориальных отделений, президенты медицинской, педагогической и сельскохозяйственной академии, директора ведущих научных институтов. В совет входили: председатель ГКНТ, президент АН СССР, министр высшего образования, первые заместители председателей Госплана, Госстроя и ЦСУ СССР, представитель Президиума СМ СССР, что свидетельствовало о высочайшем уровне руководства этой разработкой.

Но вскоре после развертывания этой работы выяснилось, что если с первыми тремя из названных выше направлений можно было справиться, то неприкасаемость четвертого составляло то самое «преимущество» социализма, которое не позволяло «соединиться» ему с научно-техническим прогрессом. Суть проблемы заключалась в **хозяйственной системе**, в основе которой лежала затратная концепция, делавшая нововведения невыгодными. Другим важным пороком существующей системы было отсутствие эффективных обратных связей, т.е. воздействия потребителя на производителя и др. Итогом функционирования такой системы стала изоляция советской научно-технической сферы от мирового технологического развития, а также техническое отставание СССР от развитых стран.

При разработке программы НТП большие сложности возникли с разделом «Совершенствование системы управления и планирования как необходимое условие ускорения НТП». Они были связаны с тем, что этот раздел представляет собой **своеобразную программу экономи-**

ческой реформы, так как в нем определялись направления совершенствования административной системы, планирования, организационной структуры управления, ценообразования, финансов, кредита и пр. Предлагалось заменить затратную концепцию ориентацией на конечные результаты экономической деятельности, принципиально изменить взгляды на соотношение групп «А» и «Б», ввести программно-целевой подход в народнохозяйственное планирование, оптовую торговлю средствами производства, плату за пользование ресурсами и т.д.

Вся эта гигантская работа завершилась тем, что в начале 1974 г. Госплан СССР принял постановление о том, чтобы учесть данные КП НТП при составлении плановых документов на десятую пятилетку. Но эта работа затихла, и в полной мере рекомендации программы так и не были учтены Госпланом. Но труд ученых не пропал даром. Он принес определенные достижения в области теории и методологии прогнозирования, которые и до сих пор используются в экономических исследованиях. Работа над программой НТП позволила сделать еще один шаг в осознании необходимости перестройки существующей тогда хозяйственной системы.

Если бы руководители государства прислушались тогда к ученым, то российскую экономику вполне можно было не только удержать от краха, но и вывести ее на дорогу прогрессивного развития. Советская экономика уходила корнями в милитаризованную плановую систему, созданную для войны и пережившую свой век на десятки лет. В этой системе экономику регулировали не объективные интересы и целесообразность, не поиск научного обоснования оптимальных решений, а самодовольный невежественный чиновник, присвоивший право планировать и распределять из субъективных идеологизированных интересов, не говоря уже о карьеристских и меркантильных соображениях.

Для характеристики эффективности командно-административной системы приведем один пример. Ко второй половине 80-х годов наша страна вышла на самые передовые позиции в мире по объемам производства низкокачественной техники. Отставая от США по производству зерна в 1,4 раза, наша страна опередила их по выпуску тракторов в 6,4 раза, по зерноуборочным комбайнам – в 16 раз. Чтобы произвести столько зерноуборочных комбайнов, сколько их стояло в наших хозяйствах на ремонте в 1987 г., американской промышленности пришлось бы

работать 70 лет. Это была экономика планового абсурда, которая шла навстречу краху.

Новации Ю.В. Андропова заключались в «наведении порядка и дисциплины», ускорении темпов экономического развития и НТП за счет административного подстегивания и «закручивания гаек». Но такие методы не могли спасти наше общество. Это уже были не 30-е годы.

Перестройка, начатая М.С. Горбачевым, не имела экономической программы. Это объясняется тем, что партийно-государственное руководство больше всего боялось расширения неподконтрольных ему общественно-экономических сфер, что однозначно ассоциировалось с потерей власти.

Поэтому, несмотря на существенные послабления – разрешение индивидуальной трудовой деятельности и частного предпринимательства, – не было сделано главное: **не был изменен хозяйственный механизм**, т.е. руководство страны не решалось отказаться от затратной экономической концепции. Пресловутый «вал» господствовал и создавал у руководства иллюзию превосходства социалистической системы над капиталистической.

Сначала под флагом ускорения, означавшего реставрацию призыва «пятилетку – в четыре года» и узаконившего низкое качество производства, была утяжелена инвестиционная нагрузка, усилившая структурные диспропорции. Затем было решено обеспечить «крупный рынок вперед» в области качества продукции. В промышленности была создана армия «независимых» государственных контролеров. Но уже в 1987 г. 15% продукции советской промышленности не выдержало элементарной проверки на качество. Затраты на госприемку росли, а отдачи не было. Постепенно эта идея заглохла, и о ней больше никто не вспоминал.

Затем началась перестройка государственных предприятий под лозунгом «сочетания планового начала и полного хозрасчета, самостоятельности и ответственности». Через некоторое время самостоятельность предприятий была обуздана не планом, а госзаказом. Потом страна увлеклась выборами руководителей предприятий, а потом и совмещением должности первого секретаря обкома, райкома с постом председателя Совета народных депутатов.

Хорошие начинания подрывались и перечеркивались последующими постановлениями. Так произошло с арендой предприятий трудовыми коллективами, которая была, по сути

дела, первой наиболее удачной формой приватизации. Аренда, а затем и кооперация были раздавлены конфискационными налогами.

Во второй половине 1980-х годов в стране была проведена серия акций, имевших неблагоприятные последствия. Первая – это антиалкогольная компания, в ходе которой были не только вырублены виноградники, но и выбита одна из опор государственного бюджета. А ведь на заседании Политбюро ЦК КПСС 4 апреля 1985 г., обсуждавшего «Меры по преодолению пьянства и алкоголизма», первый заместитель министра финансов СССР В.В. Деменцев предупреждал, что сокращение производства и продажи спиртного сократит доходы государственного бюджета: в 1986 г. – на 4 млрд. руб., в 1987 г. – на 7,5 млрд., 1988 г. – на 11 млрд., 1989 г. – на 14 млрд. и в 1990 г. – на 15-16 млрд. руб. Деменцева не послушали, в итоге госбюджет был разбалансирован.

Вторая – это война с нетрудовыми доходами, приведшая к разгрому личных подсобных хозяйств, частных бахчей, теплиц, садов, огородов. Все это происходило в условиях острого продовольственного дефицита, нехватки овощей и фруктов. В итоге было подорвано не только мелкотоварное производство, но и продовольственное самообеспечение.

Третий удар по экономике был нанесен, когда, несмотря на дефицит, руководство страны запретило импорт ширпотреба и продовольствия, наращивая в то же время закупки зарубежного производственного оборудования. Предпосылки для освоения этого оборудования на предприятиях не были созданы, и это оборудование утонуло в «незавершенке». По Оренбургу тогда ходили слухи, что поступавшее импортное оборудование просто закапывалось в землю. Все это произошло после падения цен на нефть, исчерпания золотовалютных ресурсов страны и завершилось пустыми полками в магазинах и окончательным развалом потребительского рынка.

Четвертый удар – принятое Политбюро в 1988 г. решение о введении так называемых договорных и свободных цен. С виду рыночное, но проведенное без учета реальных условий и подготовки, это мероприятие привело к долготемному углублению разрыва между товарной массой и денежными доходами населения. В 1987 г. этот разрыв (или, как его еще называют, «навес») составлял только 12 млрд. руб., в 1988 г. он увеличился почти в четыре раза (45

млрд. руб.), а к 1991 г. составил уже более 100 млрд. руб.

Пятый удар был нанесен экономике под лозунгом ускорения в 1988 г., когда вместо запланированного сокращения инвестиционной нагрузки на 24 млрд. руб. было осуществлено ее волюнтаристское, а главное – инфляционное увеличение. Финансирование шло за счет печатного станка. В новые стройки направили 59 млрд. необеспеченных рублей. В результате образовался неслыханный дефицит бюджета на 1989 г. – 127 млрд. руб. Этот дефицит вызвал крах советской экономики, финансовый развал СССР, который впоследствии политически подтвердился в Беловежской Пуще. Распад финансов, развал СССР, разрушение единого народнохозяйственного комплекса привели к сокращению производства. Прилавки магазинов полностью опустели. Над страной нависла угроза голода.

В этот период были опубликованы статьи трезвомыслящих экономистов - Д. Валового, Н.Я. Петракова, Н.П. Шмелева, из которых стало ясно: так дальше жить и хозяйствовать нельзя. В 1987 г. были подготовлены серьезные аналитические материалы и предложения правительству, в разработке которых принимали участие ведущие экономисты страны, в том числе академики А.Г. Аганбегян, А.И. Анчишкин, С.А. Ситарян и др.

В это же время был принят закон о предприятии, начались кооперативное движение и реорганизация банковской системы, стали набирать силу малые предприятия. Реформы медленно и осторожно, но начались. Но дальше... Председатель Совмина Н.И. Рыжков «разработал» пакет постановлений, который получил наименование «радикальная экономическая реформа». Пакет состоял из нового закона «О государственном предприятии (объединении)» от 30 июня 1987 г. и десяти постановлений ЦК КПСС и Совмина, принятых в один день – 17 июля 1987 г., который составлялся людьми аппарата ЦК, Госплана и Совмина. То, что предлагалось в этом пакете, по форме было новшеством, а по сути оставляло неизменным основу хозяйственного механизма страны: натуральные балансы производства и распределения продукции, составляемые Госпланом и Госснабом.

В 80-х годах за пределами Москвы разрабатывалась тема «регионального хозрасчета». Одним из ведущих «теоретиков» ее стал эстонский профессор Бронштейн, идеи которого нео-

жиданно для здравомыслящих экономистов были поддержаны партийной прессой. Смысл этой «теории» состоял в обосновании региональной и республиканской экономической самостоятельности. Но экономическая самостоятельность предполагает защиту регионального рынка, а значит, собственную валюту, таможенную границу и т.д. Таким образом, эта невинная с виду идея стала экономическим обоснованием сепаратизма.

Летом 1989 г. после I съезда народных депутатов и избрания Верховного Совета был сформирован новый состав правительства СССР. В его составе была образована Государственная комиссия по экономической реформе во главе с зампредом Совмина Л.И. Абалкиным, членами комиссии стали академики А.Г. Аганбегян, С.С. Шаталин, чл.-корр. В.А. Мартынов, профессора Р.Н. Евстигнеев, Г.А. Егизарян, Б.З. Мильнер и др. К работе комиссии подключились институты, входящие в состав Отделения экономики и Отделения мировой экономики и международных отношений АН СССР.

В результате работы комиссии была подготовлена концепция (программа) под названием «Радикальная экономическая реформа: первоочередные шаги и долговременные меры». В ноябре 1989 г. концепция была одобрена на Всесоюзной научно-практической конференции в Москве.

В ней нашли отражение цели, направления реформы, основные блоки хозяйственного механизма, этапы осуществления реформы на период 1990-1995 гг. Страна получила шанс вступить на путь взвешенного и поэтапного движения к рыночной экономике. Но ему не суждено было осуществиться. Что помешало осуществлению реформы по этому варианту? Л.И. Абалкин выделяет следующие две главные причины:

1. Реформа натолкнулась на могучее сопротивление консервативных сил (партия и госаппарат). У руководства страны и партии обнаружился дефицит политической воли, решительности и последовательности в проведении курса радикальной экономической реформы. Консервативными силами торпедировалась поэтапная «либерализация» цен, начиная с дорогостоящих автомобилей, предметов роскоши и т.д. Затягивание принятия назревших мер замедляло ход социально-экономических преобразований и подталкивало к экстремистским решениям.

2. Негативное влияние на ход реформы оказал разбухший муравейник политических

страстей и амбиций. Развернулась борьба за власть, за место и кресло в предвкушении предстоящего дележа собственности. И тут было не до науки. Невостребованными оказались знания и опыт даже маститых ученых.

Заметным явлением того времени явилась программа «500 дней». В содержательном плане она мало отличалась от программы Л.И. Абалкина. Обе исходили из перехода к рыночной экономике, разгосударствления собственности, финансового оздоровления и укрепления рубля. Различия касались характера и темпов преобразований. Программа Г. Явлинского базировалась на разработках нескольких институтов, ЦЭМИ и большой группы ученых-экономистов.

Новым в программе был удачный пропагандистский прием – разложить мероприятия программы по дням. Идея решить все проблемы за полтора года не могла не быть утопичес-

кой. Но перехода к рынку в сжатые сроки требовала тогда политическая ситуация, в которой экономическая реалистичность программы отступила на второй план перед потребностью сближения Ельцина и Горбачева, поворота массового сознания к рыночным идеям. В обществе накопилось нетерпение, желание быстрых перемен. Люди устали ждать «светлого будущего» и требовали его прихода уже завтра. 6 сентября 1990 г. Верховный совет РСФСР (Б.Н. Ельцин, Р.И. Хасбулатов и И.С. Силаев) одобрил и принял программу «500 дней».

Но под давлением консервативных сил Горбачев отказался от соглашения с Ельциным и отверг программу «500 дней». Н.П. Шмелев считает, что крах Горбачева как лидера страны был предreshен именно в тот момент.

(Окончание следует)

Список использованной литературы:

1. Апокин И.А. Реформы в России. М.: «Юниверс», 2003.
2. Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. 2. М., 1995. С. 324.
3. Информационный вестник Союза предпринимателей и арендаторов России. 1994, №6, с. 8-9; с. 10-11.
4. К вопросу об изучении закономерностей советской экономики // Вестник Коммунистической академии, 1933, №4, с. 23.
5. Толмачева Р.П. Экономическая история. М., 2006.
6. Федоренко Н.П. Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. М.: Наука, 1999.
7. Федоренко Н.П. На рубеже веков. М.: Экономика, 2003.